

Военном Сборнике. 1885. №1.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ О ПОХОДѢ ПОДЪ САМАРКАНДЪ

ВЪ 1868 ГОДУ.

Въ 1865 году незначительный отрядъ русскихъ войскъ овладѣлъ городомъ Ташкентомъ. Въ слѣдующемъ году, отстаивая нашу новую границу противъ бухарскихъ и коканскихъ войскъ, перешедшихъ въ наступленіе, наши войска разбили бухарцевъ подъ Ирджаромъ (на р. Сырь-Дарьѣ), и послѣ кровавыхъ штурмовъ овладѣли городами: Ходжентомъ, Ура-тюбе и Джизакомъ.

1867 годъ прошелъ въ закрѣпленіи за нами сдѣланныхъ завоеваній.

Нашиими передовыми пунктами были: къ сторонѣ Кокана—Хаджемъ; къ сторонѣ Бухары—укрѣпленіе Яны-курганъ (на пути къ Самарканду, въ 80-ти верстахъ отъ него). Съ такою близостью русскихъ къ Самарканду—духовной столицѣ Средней Азіи—бухарцы не могли помириться, несмотря на недавніе тяжелые уроки.

Весь 1867 годъ въ Бухарѣ и Коканѣ шли приготовленія къ войнѣ съ нами. Многочисленные эмисары отъ эмира бухарскаго и хана коканскаго явились среди принявшаго наше подданство населенія и возбуждали его къ восстанію. На отрядъ нашихъ войскъ въ Яны-курганѣ, подъ начальствомъ полковника Абрамова, бухарскія войска произвели нѣсколько нападеній, и хотя были отбиты, но мы недвигались впередъ, чтобы наказать нападавшихъ въ ихъ гнѣздѣ, что и объяснялось нашею слабостью. Глухое броженіе, охватившее населеніе занятыхъ нами городовъ, перешло и въ степь. Начались разбои.

Въ то же время посланникъ бухарскаго эмира вѣль переговоры въ Оренбургѣ о проведеніи границы съ Бухарою. Переговоры эти не привели ни къ чему, такъ какъ эмиръ не согласился подписать тѣ условія, которыя были приняты его уполномоченнымъ.

Въ ноябрѣ 1868 года въ Ташкентъ прїѣхалъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ, назначенный командующимъ войсками и генералъ-губернаторомъ вновь образованнаго Туркестанскаго военного округа.

Быстро оцѣнивъ наше иенадежное положеніе во ввѣренномъ ему краѣ, генералъ Кауфманъ сдѣлать послѣднюю попытку кончить наши несогласія съ эмиромъ бухарскимъ миромъ и въ случаѣ неудачи рѣ-

шиль добиться силою оружія спокойствія какъ на нашихъ новыхъ границахъ, такъ и внутри края. Полгода прошло въ тщетныхъ переговорахъ. Противъ условій, предложенныхъ эмиру въ Оренбургѣ, генераль Кауфманъ сдѣлалъ уступку, отдавая бухарцамъ занятый нами Яныкурганъ.

Но вмѣсто согласія на эти условія эмиръ бухарскій двинулъ значительные отряды своихъ войскъ въ занятый нами горный Джизакскій раіонъ. Война сдѣлалась неизбѣжною.

Къ веснѣ 1868 года наши силы въ обширной Сырь-Дарьинской области, разбросанные въ 17-ти пунктахъ, состояли (¹) изъ 11-ти батальоновъ пѣхоты, 32-хъ орудій полевыхъ, 380 орудій, составлявшихъ вооруженіе 17-ти укрѣплений, и 21-й сотни казаковъ.

Къ началу апрѣля было на лицо: 260 офицеровъ и 11,200 нижнихъ чиновъ. Не доставало до штатнаго состава 130 офицеровъ, 4,200 нижнихъ чиновъ.

Необходимость занимать 17 пунктовъ для охраны територіи, имѣвшей протяженія около 1,500 верстъ, вынуждала держать войска разбросанными. Наиболѣе сильно были заняты: 1) г. *Ходжентъ*, составлявшій передовой пунктъ, къ сторонѣ Кокана: 10 ротъ, дитизіонъ артилериі, одна сотня казаковъ; 2) укрѣпленіе *Яны-курганъ*, передовой пунктъ къ сторонѣ Бухары,—10 ротъ пѣхоты, 12 орудій и три сотни; 3) въ Ташкентѣ въ общемъ резервѣ стояло восемь ротъ пѣхоты, одна рота саперовъ, 22 орудія и двѣ сотни казаковъ.

Къ веснѣ же 1868 года, такъ называемыя регулярныя войска эмира бухарскаго состояли изъ 12-ти батальоновъ пѣхоты, 150 орудій и до 30-ти сотенъ кавалеріи.

Съ наемными туркменами и съ милиціею эмиръ приблизительно могъ располагать противъ насъ 50,000 человѣкъ. Такую же примѣрно силу могъ двинуть противъ насъ и ханъ коканскій.

Кромѣ того, воинственные, полунезависимыя бекства, Шаоръ и Китабъ, могли выставить противъ насъ до 20—25,000 человѣкъ.

При одновременномъ ударѣ этихъ силъ на нашу передовую линію протяженіемъ около 200 верстъ и при возстаніи въ тылу у насъ, оборонительный способъ дѣйствій могъ привести къ катастрофѣ.

Только быстро двинувши впередъ и нанося рѣшительный ударъ наиболѣе угрожающему намъ нападеніемъ противнику, бухарцамъ, можно было остановить, готовое охватить всю среднюю Азію, восстаніе. Такъ и рѣшилъ дѣйствовать генераль Кауфманъ.

(¹) М. Лыко, «Очеркъ военныхъ дѣйствій 1868 года въ долинѣ Зеравшана»,

14-го апрѣля быль объявленъ походъ и назначенъ сборъ отряда къ Яны-кургану изъ Ташкента, Чинозы, Ходжента и Ура-Тюбе, а 30-го апрѣля отрядъ, въ составѣ 21-й роты пѣхоты, 16 орудій, пяти сотень казаковъ, числительностью около 3,500 человѣкъ, выступилъ по самаркандской дорогѣ изъ Яны-кургана.

Сдѣлавъ по сильной жарѣ 32 версты, отрядъ ночевалъ въ Хишъ-Купру (каменный мостъ), а 1-го мая, сдѣлавъ 35 верстъ, вышелъ на рѣку Зеравшань и въ тотъ же день атаковалъ многочисленныя бухарскія войска, занявшия сильныя и укрѣпленныя Чапанатанскія высоты на другомъ берегу рѣки.

Высоты были взяты. Непріятель потерялъ свою артилераю (44 орудія) и бѣжалъ, и 2-го мая городъ Самаркандъ сдался безъ боя генералу Кауфману.

Въ теченіе первой половины мая была подчинена прилегающая къ Самарканду долина Зеравшана, причемъ отрядъ полковника Абрамова взялъ съ боя городъ Ургутъ. Въ 20-хъ числахъ мая генераль Кауфманъ двинулъ 13 ротъ пѣхоты, 12 орудій и три сотни казаковъ подъ начальствомъ генерала Головачева къ городу Каты-кургану, противъ котораго собирались бухарскія войска, и занялъ этотъ городъ.

27-го и 29-го мая бухарцы нападали на наши войска, но были отбиты съ большимъ урономъ.

Получивъ извѣстіе о переходѣ бухарскихъ войскъ въ наступленіе, генераль Кауфманъ, оставивъ гарнизономъ въ Самаркандинѣ 6 линейныхъ баталіоновъ, быстро стянулся къ Каты-кургану 20 ротъ пѣхоты, шесть сотень казаковъ и 12 орудій силой въ 2,100 человѣкъ, а 2-го июня выступилъ для атаки бухарскихъ войскъ, занявшихъ позицію на Зерабулакскихъ высотахъ, въ десяти верстахъ отъ нашего лагеря въ Каты-курганѣ. Бухарцы были разбиты на-голову и потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ убитыми. Регулярныя войска были частью уничтожены, частью разбрѣкались. Путь къ Бухарѣ сталъ открыть.

Въ этотъ же день въ 70-ти верстахъ отъ Зерабулака гарнизонъ самаркандской цитадели быль атакованъ возставшими жителями Самарканда, подкрѣпленными 20,000 жителей Шара и Китоба. Шесть дней продолжались непрерывные приступы. Нѣсколько разъ непріятель врывался въ цитадель. Больные и раненые приняли участіе въ оборонѣ. Треть защитниковъ легла убитыми и ранеными. Сообщеніе съ Каты-курганомъ было отрѣзано. Шесть человѣкъ, посланныхъ съ донесеніями, зарѣзаны.

Безпокоясь за участіе гарнизона, генераль Кауфманъ, оставилъ въ

Каты-курганъ баталіонъ, двинулся къ Самарканду 6-го іюня и только 7-го получилъ первое донесеніе отъ коменданта Самарканда.

8-го іюня войска генерала Кауфмана атаковали Самаркандъ и вырuchiли гарнизонъ послѣ геройской защиты ввѣренной имъ цитадели. Въ наказаніе за измѣну городъ былъ сожженъ.

Эта новая побѣда остановила готовыхъ вторгнуться въ наши предѣлы кокандцевъ и вынудила къ миру эмира бухарскаго.

Походъ былъ конченъ. Дѣйствующій отрядъ силою при началѣ похода въ 3,500 человѣкъ, подкрепленный 2-го мая еще тремя ротами изъ Ташкента, 10-го іюня представлялъ всего силу въ 2,500 штыковъ и 400 шашекъ.

Потери убитыми и ранеными составили 330 человѣкъ. Потеря за это же время больными—до 800 человѣкъ.

Результатомъ похода было пріобрѣтеніе нами Зеравшанскаго округа съ городомъ Самаркандомъ и заключеніе непрерываемаго до сихъ поръ мира съ Бухарою.

Предлагаемыя ниже вниманию читателя воспоминанія о Самаркандинскомъ походѣ написаны мною давно и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ощущеній. Добавлю, что я дѣлалъ этотъ походъ 20-ти лѣтнимъ юношей, смотрѣвшимъ на многое не тѣми глазами, какими смотришь черезъ 16 лѣтъ.

Чапаната 1-го мая 1868 года.

1-го мая мы выступили съ почлега въ Ташъ-Куныръ къ Самарканду. Ожидали боя. Выступили ночью. Переходъ до рѣки Зеравшана около 30-ти верстъ. Пыль. Стрѣлки (2-й роты) были разсыпаны еще на походѣ вправо отъ дороги для прикрытия походной колонны, слѣдовавшей непрерывными садами. Приходилось перелѣзать черезъ заборы, проходить въ бродъ арыки. Я командовалъ участкомъ цѣпи. Горнистъ Масловъ, видя неохоту своего молодаго начальника лѣзть въ воду, добродушно предложилъ къ услугамъ свои крѣпкія плечи и переносилъ меня черезъ всѣ арыки (канавы).

Раздался первый пушечный выстрѣль въ авангардѣ. Цѣпь разрѣшили убрать. Стрѣлки рвались впередъ и безъ приказанія обгоняли запыленную колонну. Проѣхалъ Кауфманъ. Ласковый, привѣтливый, веселый. Производилъ хорошее впечатлѣніе. Внушалъ довѣrie. И солдаты, и офицеры еще не бывали ни раза съ нимъ въ дѣлѣ, но уже чувствовали, что это «настоящій» начальникъ.

Вышли на долину Зеравшана, и намъ открылся прекрасный видъ. Передъ нами лежали зеленые высоты Чашанаты усеянныя многочисленнымъ непріятелемъ. Мулушка Чапана (часовня), намъ казалось, составляла центръ непріятельской позиціи. Правѣе виднѣлись разрушенныя арки стариинаго моста временъ Тамерлана. Кауфманъ вступилъ въ переговоры. Посыпалъ туземцевъ парламентерами, съ предложеніемъ, чтобы очистили позиціи и сдали намъ Самаркандъ. Сперва азіяты обѣщали, но потомъ оказалось, что они просто хотѣли затянуть время. Имъ дали срока до 12 часовъ. Время это тянулось для насъ безконечно медленно. Но вотъ по нашему парламентеру пустили ядро. Атака была рѣшена, и генераль Кауфманъ сталъ строить войска въ боевой порядокъ.

Наши роты, стоявшія на правомъ флангѣ самовольно передвинулись впередъ и перешли рукавъ Зеравшана, изъ боязни остаться въ резервѣ. Люди снимали сапоги. Намъ приказано вернуться на прежнее мѣсто. Товарищи послали меня къ полковнику Дмитровскому (¹) просить поставить насъ въ первую линію. Меня распекли и объявили, что мы назначены идти въ резервѣ. Извѣстіе это вызвало общее уныніе. Съ полу часа шли приготовленія. Офицеры и солдаты завтракали на берегу Зеравшана сухарями съ водой. Наконецъ войска тронулись впередъ. Дмитровскій, подъѣхавъ, разрѣшилъ намъ потихоньку принять вправо, догнать двинувшіяся части и идти въ первой линіи, составляя крайній правый флангъ. Это исполнено съ такимъ пыломъ, что мы скоро очутились уступомъ впереди. Идти было трудно. Приходилось переходить въ бродъ многочисленные рукава Зеравшана и рисовые поля между ними. Глубина первыхъ рукавовъ несолько выше колѣнъ, грунтъ рисовыхъ полей тошкій.

Роты наступали въ одиѣхъ рубахахъ, оставивъ шинели и мѣшки въ обозѣ.

Бухарцы сосредоточили противъ насъ сильный огонь изъ ружей, фальконетовъ и большаго числа орудій. Свистъ ядеръ и большихъ пуль становился оглушительнымъ (²). Начались потери. Кавалерія непріятеля старалась охватить нашъ правый флангъ. Мы шли, разсыпавъ сперва по взводу, имъ сзади цѣпи, въ ста примѣрно шагахъ отъ нея, три остальныхъ взвода—въ разомкнутой колоннѣ. Затѣмъ разсыпали второй взводъ, который загнулся вправо противъ кавалеріи. Однимъ взводомъ въ цѣпи командовалъ я, другимъ—Іоновъ. Первый залпъ картечи упалъ передъ нами, обрызгавъ съ рикошета буквально всю колонну грязью.

(¹) Начальникъ штаба отряда.

(²) Отъ дурной отливки ихъ.

Федоровичъ (ротный) скомандовалъ «бѣгомъ». Слѣдующій зали прошелъ надъ головами, но нѣсколькихъ задѣль, въ томъ числѣ смертельно ранилъ товарища по выпускѣ Губина. При перебѣздаѣ черезъ одинъ изъ рукавовъ я перевезъ на крѣпъ своей лошади 17-ти-лѣтняго юношу юнкера Новаковскаго. Спустивъ его на землю, я приказалъ ему бѣжать впередъ, чтобы догнать цѣпь. Нѣсколько секундъ его сѣрая армячинная рубаха была мнѣ видна на зелени рисового поля. Затѣмъ произошло что-то непонятное для меня въ первыя мгновенія. Новаковскій взмахнулъ руками, упалъ навзничь и лежалъ неподвижно. Проехжая мимо, я не имѣлъ силы взглянуть на него. Ядро оторвало половину головы. По мѣрѣ того, какъ усиливалась стрѣльба, мы бѣжали все сильнѣе и сильнѣе. Юновъ закричалъ: «что, каково, К....?» — Ничего, хорошо, отвѣчалъ я, — хотя у самого начинало скрести на сердцѣ.

Я сидѣлъ верхомъ. Первый разъ въ жизни попалъ подъ такой огонь.

Первыя пули привѣтствовались скорѣе радостно: «ага, думалось, началось». Огонь усиливался, но долго не казался страшнымъ. Внутри чувствовалось и жутко, и прѣятно. Когда же огонь сдѣлался очень силенъ и сталъ сопровождаться необычайнымъ воемъ снарядовъ и свистомъ фальконетныхъ пуль, — въ наши двѣ роты стрѣляло 10—12 орудій и вѣроятно болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, — меня охватило очень сложное чувство. Точно пленка начала застилать мои глаза. «Ого, какъ жарятъ! что же это дальше будетъ?» — закопошились гдѣ то вопросы. «Этакъ, пожалуй, не дойдемъ?» — зародилась мысль въ головѣ и тотчасъ была прогнана. Пленка не позволяла видѣть, что дѣлается впереди и что по сторонамъ, но вблизи я ясно видѣлъ точно воспалѣнныя глаза солдатъ. Сознательно наблюдалъ, чтобы не было отсталыхъ. Помню, вижу — здоровенный юнкеръ Тузиковъ, шедшій въ 4-мъ взводѣ, началъ медленно опускаться на землю и скрылся въ рисѣ. Я подскакалъ къ нему съ поднятою нагайкою: «какъ вамъ не стыдно, такой-сякой! Вы должны служить примеромъ: вы кавалеръ и струсили.» — Я не трусь, отвѣчалъ мнѣ жалобнымъ голосомъ Тузиковъ: — я раненъ. И онъ приподнялъ мнѣ одну изъ ногъ, на которой видна была кровь. Сконфуженный, я не сказалъ ни слова и ускакалъ снова къ цѣпи.

Перейдя, какъ мы думали, послѣдній рукавъ Зеравшана, мы нѣсколько подобрались. Для переправы три взвода 1-й роты приняли влѣво и отстали отъ насъ. Два взвода нашей роты и взводъ первой составляли довольно компактную и правильную колонну, которая двигалась за цѣпью (¹) примерно въ 50—70 шагахъ. Впереди ясно были видны

линии непріятельскихъ войскъ въ красныхъ курткахъ, орудія стояли за брустверами. Впереди батарей пѣхота стрѣляла въ нась изъ траншей. Кто приказалъ—не знаю, но мы за нѣсколько сотъ шаговъ отъ непріятеля закричали «ура». Въ Азіи существуетъ мнѣніе, что какъ только русскіе крикнутъ «ура», туземцы бѣгутъ. Помню, что смутная надежда на такой исходъ шевелилась и у меня въ мозгу, но «ура» больше кричалось для собственного успокоенія и не было на этотъ разъ признакомъ наиболѣшаго хладнокровнаго настроенія. Кричалъ «ура» и я самъ. Подбодрять кричать солдатъ, командовалъ юнкерамъ: «кричите громче». Крича и заыхавши отъ бѣга, мы неожиданно наткнулись на глубокій притокъ Зеравшана. Сперва цѣль, а за нею колонна остановились, «ура» прекратилось и замѣнилось ружейною пальбою безпорядочно открытою цѣлью. Мы наступали такъ быстро, что ранѣе пальбы изъ цѣли почти не было. Іоновъ и я отыскали бродъ, но не важный; вода доходила до половины сѣдла, людямъ по грудь, и теченіе сильно несло. Немного вправо было еще глубже. Солдаты скучились на берегу. Непріятельская позиція была отъ нась примѣрно въ 200—300 шагахъ. Группы всадниковъ кружились около нась въ 50—80 шагахъ. Солдаты бросились за офицерами въ воду, подвѣсивъ сумки на шею и поднявъ высоко ружья. Офицеры їздили взадъ и впередъ, и къ ихъ лошадямъ каждый разъ прицѣпливались нѣсколько человѣкъ. Трехъ—четырехъ человѣкъ ранило въ самой водѣ; они кувыркались, уносимые течениемъ; товарищи, рискуя своею жизнью, спасали ихъ. Первая рота, нѣсколько отставшая отъ нась, увида, что мы скучились на берегу и отстрѣливаемся по почину солдатъ, которые кричали: «братьцы, надо 3-ю роту выручать», побѣжала къ намъ. Этотъ протокъ, будь непріятель поэнергичнѣе, могъ совсѣмъ остановить нась. Переправившись на другую сторону и собравшиесь въ колонну, мы придвиуди цѣль на 30—40 шаговъ впередъ. Очень смутно помню эти мгновенія. Видѣлъ впереди многочисленнаго противника, слышны были шумъ, крики у него и какое то движеніе. Насъ встрѣтили сильною беспорядочною пальбою. Многочисленная кавалерія спускалась съ горъ въ долину противъ праваго фланга. Влево, уступомъ назадъ, наступалъ, какъ казалось—очень стройно, 3-й баталіонъ Баранова. Сзади насъ двигался съ своими ротами Назаровъ. Съ крикомъ «ура» мы опять бросились впередъ. Пленка закрывала глаза совершенно. Одна мысль, что «надо дойти», господствовала надъ всемъ, но случись неожиданность, ударъ на насъ противникъ во флангъ, поверни назадъ передовые люди,—и эти неожиданности легко увлекли бы и меня. Сознательнаго отношенія къ бою рѣшительно не было. Въ особенности помню хорошо, что ничего не видѣлъ

на сторонѣ у непріятеля. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя могъ еще всматриваться въ лица солдатъ. Кто-то закричалъ, что бухарцы «бѣгутъ»; крикъ этотъ радостно подхватили десятки голосовъ. Какъ камень свалился съ груди у всѣхъ. Мы были всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ батареи и первой линіи ложементовъ; послышалось — «не давай увозить пушки» — и черезъ нѣсколько секундъ мы вскочили на батарею и кололи прислугу. Бухарцы отступали передъ нами, отстрѣливаясь. Чашанатинскія высоты, на которыхъ мы лѣзли за бухарцами, были высоки и круты. Люди запыхались; впереди осталось только нѣсколько человѣкъ, двое держалось за хвостъ моей лошади. Солдаты приостанавливались на минутку и затѣмъ опять лѣзли впередъ, гдѣ шагомъ, гдѣ бѣгомъ. Запыхались необычайно. Стрѣлять почти не было возможности. Мы настигли хвостъ непріятеля и какъ бы смѣшились съ нимъ. Настигнутыхъ кололи и стрѣляли. Г...ъ подѣхалъ ко мнѣ и просилъ «остановить рѣзню»; я не зналъ, что отвѣтить ему, такъ мнѣ казалось естественнымъ, что, догнавъ непріятеля, убиваютъ его. — Не прикажите бить хотя этого, — и онъ показалъ мнѣ вправо группу. Солдатъ свалилъ бухарца на землю и собирался заколоть его штыкомъ. Назвавъ солдата по фамиліи, я приказалъ ему бѣжать впередъ и не убивать бухарца. Солдатъ не сразу понялъ и, помнится, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, но тѣмъ не менѣе побѣжалъ впередъ. Мы поѣхали съ Г..... рядомъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и у Г..... сорвало съ шапки кусокъ козырька. Мы обернулись. Спасенный сарбазъ сидѣлъ и держалъ въ рукахъ большой дымящійся пистолетъ. Сзади къ нему уже подѣгалъ съ приподнятымъ ружьемъ коренастый, косолапый солдатъ. Еще секунда — и солдатъ ударилъ сарбаза въ бокъ. Сарбазъ упалъ, потомъ схватилъ дуло ружья и приподнялся; солдатъ вырвалъ ружье и снова ударилъ....

На этотъ разъ Г..... молчалъ.

При наступленіи по горѣ мы лѣзли къ мулушкѣ (часовнѣ), стоявшей на гребиѣ высоты. Почему то наши офицеры принимали ее за тронъ Тамерлана и думали, что кто первый дойдетъ до него, тотъ получитъ Георгія. Іоновъ, Транзе и я, двигаясь съ передовыми людьми цѣпи, добрались до мулушки одновременно, но каждому казалось, что онъ достигъ ея первый.

Собравшись къ мулушкѣ, мы двинулись впередъ къ Самарканду, сады которого открывались передъ нами. Мы готовы были штурмовать городскую стѣну въ тотъ же день, но насъ остановили, вернули назадъ и выстроили для объѣзда Кауфмана. Къ мѣсту, гдѣ мы строились подносили раненыхъ. Подѣхавъ къ намъ со свитою и поблагодаривъ

людей, генералъ Кауфманъ спросилъ ротнаго командира Федоровича о потерѣ въ нашей ротѣ, на что Федоровичъ не могъ дать точнаго отвѣта. Генералъ подѣхалъ веселый и радостный. Сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ солдатамъ, онъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на раненыхъ. Одному изъ нихъ, Дулевскому, у котораго была раздроблена нога, онъ подалъ золотой. Раненый слегка приподнялся съ носилокъ и взялъ деньги, но мнѣ чудилось, что онъ взглянулъ на генерала съ укоризною. Мнѣ тоже показалось лишнимъ давать въ подобную минуту страдальцу деньги.

Толстый, любимый нами, Головачевъ съ сіяющимъ лицомъ рассказывалъ Кауфману, бывшему во время дѣла на лѣвомъ флангѣ отряда, подробности о нашей атакѣ.

Рота составила ружья. Я со заводомъ былъ посланъ подобрать нашихъ раненыхъ. Приходилось слѣдовать по нашему пути наступленія. Мертвые и умирающіе бухарцы уже мало дѣйствовали на мои нервы. У одного опрокинутаго заряднаго ящика лежало нѣсколько труповъ бухарцевъ, и нѣсколько солдатъ линейнаго баталіона дѣлили мѣшокъ съ серебряною монетою. Каждый по очереди запускалъ руку и бралъ на свою долю—сколько попадало въ горсть. Да же, взявши лѣвѣ (при обратномъ слѣдованіи) нашего пути наступленія, мы вышли надъ обрывомъ въ Зеравшанъ близъ развалинъ древняго моста. Тутъ пришлось быть свидѣтелями тяжелой сцены. Еще въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ обрыва мы замѣтили около него довольно значительную группу людей русскихъ и туземцевъ, которые, какъ всѣмъ казалось, барахтались между собою.

Думая что нужна помощь, солдаты бросились бѣгомъ. Подскакавъ къ обрыву, я нашелъ уже только съ десятокъ русскихъ солдатъ. Всѣ туземцы были штыками сброшены съ обрыва внизъ.

Поискавъ спускъ, мы вышли къ Зеравшану. Надо было отыскать бродъ. Попадѣвшись на своего коня, я заставилъ его войти въ воду. Прямо съ берега онъ окунулся съ головою и поплылъ. Сбитый съ сѣда, я ухватился за гриву лошади и плылъ рядомъ. Теченіе несло насъ весьма быстро. Это все произошло такъ неожиданно, что бывшіе со мною стрѣлки растерялись. Они бѣжали по берегу и, чувствуя свою беспомощность, только испуганно кричали «ваше благородіе, ваше благородіе». Нѣсколько разъ мой конь пробовалъ выбросить ноги на противоположномъ берегу, но теченіе быстро поворачивало назадъ и, покрутивъ, насть снова несло впередъ. Лошадь и я стали выбиваться изъ силъ. Къ счастію, при одномъ изъ поворотовъ рѣки насть несло на песчаный откосъ, и мы выбрались на берегъ. Выливъ изъ сапогъ воду,

весь мокрый, я взобрался на карыку и поѣхалъ берегомъ обратно. Солдаты двигались по противоположному берегу. Дойдя до мѣста перевѣзы нашей роты, мы нашли всѣхъ нашихъ раненыхъ уже большою частью собранными и перевязанными врачомъ Ширяевымъ. Они лежали и частью подвозились въ телѣгахъ. Въ одной изъ нихъ лежалъ и мой товарищъ Губинъ. На мой безмолвный вопросъ Ширяеву онъ тихо сказалъ мнѣ— «смертельно; умретъ сегодня». Губинъ узналъ меня. Я поправилъ ему руку, неловко торчавшую изъ телѣги, велѣлъ переложить на носилки и нести на нихъ до бивака. Его первые вопросы были: Іоновъ живъ?— Да. Транзѣ?— Да. Федоровичъ? — Да.... — Боже! простоналъ Губинъ.— Вы всѣ живы—одинъ я.... Въ страдальцѣ эгоистично работала еще мысль.

Не далеко въ фургонѣ лежалъ убитый Новаковскій. Ко мнѣ подѣхалъ Г.....ъ, очень любившій юношу.— Новаковскій убитъ?— Убитъ.— Гдѣ онъ? Я показалъ рукою. Г.....ъ слѣзъ съ лошади и вѣзъ въ фургонъ. Несколько минутъ онъ не выходилъ оттуда. Возвращаясь къ своей лошади, онъ плакалъ и не стыдился своихъ слезъ.— Бѣдный юноша! Бѣдная мать! повторялъ онъ глубоко растроганнымъ голосомъ.

Пришелъ раненый юнкеръ Тузиковъ. Изъ всего костюма у него сохранились верхняя и нижняя рубахи и фуражка.

На него и на другихъ раненыхъ напали забравшіеся въ тыль наступавшихъ войскъ бухарскіе всадники. Они напали также на застрявшую на рисовомъ полѣ батарею. Прислуга отбилась шашками, но въ двухъ орудіяхъ постремки были уже отрѣзаны.... Это нападеніе застало Тузикова раздѣвшимся для перевязки раненой ноги. Онъ самъ перевязалъ ее гультиками, но не успѣлъ надѣть ни штановъ, ни сапогъ. Подпоясавъ поясъ съ патронами и схвативъ ружье, онъ, отстрѣливаясь, отступилъ къ своимъ, но штаны и сапоги были потеряны. Пришелъ, хромая и опираясь на ружье.

Обозъ съ ранеными потащился къ садамъ, выбраннымъ для бивака отряда.

По той-же дорогѣ какая то линейная рота тащила двѣ бухарскія пушки, но, выбившись изъ силъ, бросила ихъ.

Сумерки спускались быстро, и бивакъ нашей роты былъ найденъ нами уже въ темнотѣ. Раненыхъ уложили вдоль забора (между ними былъ и горнистъ Масловъ, переносившій меня черезъ ровъ; еще помню Черемнаго, раненаго въ шею, Пирятинскаго, которому пробило языкъ и обѣ щеки, Дулевскаго, Маркевича и др.).

Всѣхъ раненыхъ уложили рядкомъ вдоль стѣнки небольшаго сада намъ отведеннаго. На правомъ флангѣ раненыхъ лежалъ на желѣзной

кровати Губинъ. Въ сторонѣ отъ раненыхъ, покрытые шинелями, лежали убитые. Рота въ составѣ врядъ ли болѣе 70 человѣкъ, сложивъ ружья въ козлы, разбившись группами, тихо сидѣла на землѣ. Мокрые и голодные солдаты, послѣ перенесенныхъ ощущеній, слушая стоны своихъ товарищевъ, примолкли.

Въ углу плотникъ тюкаль топоромъ, сбивая изъ нѣсколькихъ сартовскихъ дверей гробъ Новаковскому, котораго, по желанію Г....ъ, мы обѣщались похоронить передъ выступленіемъ.

Послѣ боя у насъ наступила реакція. Боевое одушевленіе смѣнилось тяжелымъ расположениемъ духа. Впереди рисовались новыя битвы, новыя жертвы. Многіе вѣроятно вспоминали свои родные углы. Я бросивъ свою лошадь не привязанною; забрался въ уголь сада и съ гнетущимъ настроеніемъ духа сидѣлъ весь мокрый послѣ переправы и невольного купанья. Молодые первы были сильно напряжены. Не хотѣлось никого видѣть, ни съ кѣмъ говорить.

Въ саду начали раскладывать костры. Ночь наступала довольно холодная. Не смотря на то, что меня била лихорадка, не хотѣлось подойти къ костру. Не вдалекѣ отъ меня нѣсколько солдатъ что-то держали надъ огнемъ, повертывая во всѣ стороны. Работали болѣе часа, потомъ двинулись ко мнѣ. Оказалось, что они розыскали мою лошадь, отвязали короткое пальто, подбитое баранымъ мѣхомъ (какъ у насъ называли «тужурку»), всю насквозь промокшую, и, сами голодные, работали для молоденькаго офицера, даже не ихъ прямаго начальника. Съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ они начали, подойдя ко мнѣ: «а мы вотъ принесли вамъ теплое». Потомъ заставили меня всего раздѣться, завернули меня какъ ребенка въ теплый мѣхъ, подъ ноги и сидѣніе притащили какое то рванье изъ сосѣднихъ сакель и затѣмъ быстро высушили всѣ снятая съ меня принадлежности костюма. Когда они ушли, я заплакалъ въ своеѣ уголку. Но это были хорошия слезы. Въ тѣ минуты для меня быстро постигалась чудная натура нашего солдата, создавалась и крѣплась неразрывная съ нимъ связь на всю жизнь. И теперь, черезъ 16 лѣтъ, эта ласка, эта забота солдатъ къ юношѣ-офицеру служить для меня примѣромъ и напоминаніемъ всѣмъ болѣе молодымъ моимъ сослуживцамъ...

Обозы пришли около 12 часовъ ночи. Тотчасъ же часть людей засуетилась; притащили воду, дрова, разгрузили артельную повозку и начали готовить пищу.

2-го мая 1868 года.

Со свѣтомъ тронулась скромная процесія хоронить Новаковскаго. Ранѣе, чѣмъ мы достигли могилы, насъ встрѣтилъ есаулъ (Александръ

Павловичъ) Хорошкинъ⁽¹⁾. Онъ передалъ стрѣлкамъ приказаніе Кауфмана немедленно строиться по дорогѣ къ Самарканду. Пища еще не была готова. Безъ слова упрека, глубоко вѣря, что такъ и надо, солдаты опрокинули котлы съ недоварившимся супомъ и кашею, уложили мясо въ телѣгу и быстро выбѣжали изъ сада, гдѣ насть построили вдоль дороги. Подъѣхалъ Кауфманъ—серъезный, но спокойный. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что онъ предсталяетъ памъ, стрѣлкамъ, честь первыми войти въ Самаркандинъ съ боемъ или безъ боя. Мы прокричали молодецки, «рады стараться». Оказалось, что ночью къ Кауфману явились послы съ предложеніемъ идти и занимать городъ. По ихъ разсказамъ, послѣ отступленія бухарскихъ войскъ съ Чананатинскихъ высотъ, они покинули и городъ, вызвавъ ожесточенную борьбу партій войны (муллы, байгуши) съ партіею мира (по преимуществу зажиточные люди). Много народа было перебито. Въ одной изъ мечеи зарѣзано до 60 мулль. Одолѣла партія мира; она и выслала къ Кауфману посланцевъ, прося спѣшить: они опасались, что, съ подходомъ къ городу новыхъ войскъ отъ Бухары, партія войны снова возьметъ верхъ. Посланцы отвѣчали только за настоящую минуту.

Кауфманъ не вѣрилъ въ ихъ искренность; да и мы все думали, что это ловушка. Старые, упорные слухи о заложенной въ воротахъ Самарканда минѣ были у всѣхъ на умѣ.

Изъ нашихъ двухъ ротъ составили передовой отрядъ и передовую штурмовую колонну, за которыми только въ трехъ стахъ саженяхъ следилъ полковникъ Назаровъ съ девятымъ баталіономъ.

Намъ было предписано, дойдя до главныхъ самарканскихъ воротъ, штурмовать ихъ, если они будутъ затворены. Если бы мы взлетѣли на воздухъ, вторая колонна должна повторить штурмъ; ся отдаленіе было разсчитано такъ, чтобы при взрывѣ не пострадать. Посланцы Самарканда въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ, по приказанію Кауфмана, были поставлены въ голову нашей колонны и отданы каждый на руки двухъ стрѣлковъ съ приказаніемъ по первому въ насть выстрѣлу со стѣнь заколоть ихъ. Толстые посланцы, услышавъ такое распоряженіе, забормотали про себя молитвы. Могли ли они отвѣтить, что какойнибудь шальной фанатикъ не выпустить пулю въ ненавистныхъ гяуровъ!

Офицеры наши оставили своихъ лошадей въ обозѣ. Осмотрѣли патроны, назначили по шести человѣкъ въ роту дежурныхъ съ носилками. Тихонъко бесѣдовали съ людьми, напоминая, что на насть будетъ смо-

(1) Убитъ въ кокандскую экспедицію 1876 года.

трѣть весь отрядъ, что насть выбрали изъ всѣхъ какъ самыхъ надежныхъ и, что бы ни случилось, намъ назадъ лѣзть никакъ не приходится, что вообще надо «постараться». По рядамъ шло «постараемся», шло безъ эффекта, но по серьезнымъ, рѣшительнымъ лицамъ солдатъ видно было, что они сознавали важность наступающей минуты: вѣрили въ себя и вѣрили въ своихъ начальниковъ.

До самаркандскихъ воротъ было около четырехъ верстъ. Мы двинулись. Дорога шла садами и частью заборами. Намъ не попадалось ни души. На сердцѣ лежала у каждого тяжкая дума: взорвать или не взорвать? Штурмъ безъ взрыва не казался страшнымъ. А надъ всѣми мыслями господствовало одно желаніе: узнать поскорѣе свое рѣшеніе, какое бы оно ни было. Роты безъ приказанія все прибавляли шага. Версты за двѣ мы шли почти въ припрыжку съ небольшими паузами. Съ посланцевъ катилъ поть. Они почти задыхались. Но вотъ примѣрно въ 600 шагахъ показалась самаркандская стѣна. Безъ команды вся колонна бросилась бѣгомъ. Кругомъ было полное безмолвіе. Широко раскрытыя ворота манили насть. Страшная загадка: жизнь или смерть ожидала насть въ этихъ воротахъ; еще разъ пробѣжали въ мозгу отрывочные мысли, но останавливаться было нельзя. Однимъ потокомъ ворвались мы въ ворота, перебѣжали ихъ, остановились на площадкѣ передъ ними и, запыхавшися, сразу повеселѣвшіе, смотрѣли другъ на друга, точно не вѣрили въ свое счастіе. Но мѣшкать было нельзя. Тотчасъ же къ воротамъ назначили караулъ, а мы двинулись занимать цитадель. Улицы были пустыны, всѣ лавки заперты. Жители ждали грабежа. Близъ входа въ ворота у первыхъ домовъ стояла толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ съ хмурыми лицами. Передъ ними стоялъ какой-то старикъ съ бѣлою бородою.

Солдаты шли въ замѣчательномъ порядкѣ. Ни одинъ не вышелъ изъ строя; ни одна лавка не была тронута. Вошли въ цитадель весьма ветхую и безъ эспланады, и затѣмъ насть ввели на дворъ самаркандскаго дворца. Это былъ большой, хорошо вымощенный плитами дворъ. Вокругъ съ трехъ сторонъ шла живописная азіятская галерея и рядъ комнатъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были выложены по стѣнамъ небольшими зеркалами. Направо отъ входа на возвышеніи лежала каменная груда, которую намъ называли трономъ Тамерлана (его называли кокъташъ, что значитъ голубой камень). Въ дѣйствительности онъ, сколько мнѣ помнится, сѣроватаго цвѣта.

Всльдѣ за нами вошли роты съ Назаровымъ. Принявъ общее начальство, онъ построилъ насть покоемъ. Вѣхалъ Кауфманъ. Войска держали на караулъ, музыка играла. Всѣ мы съ гордостью глядѣли на

вождя своего, которого и любили, и которому довѣряли вполнѣ. Торжественность минуты видимо потрясла Кауфмана.

«Поздравляю васъ съ занятіемъ столицы Азіи—Самарканда!» громко и радостно привѣтствовалъ онъ насъ. Неудержимое «ура!» въ отвѣтъ долго гремѣло во дворцѣ Тамерлана.

Подходившія къ городу войска направлялись черезъ городъ по каты-курганской дорогѣ, гдѣ и становились бивакомъ.

Гарнизономъ цитадели города оставили 6-й баталіонъ и наши двѣ роты. Мыостояли въ городѣ нѣсколько дней, затѣмъ тоже перешли вмѣстѣ съ генераломъ Кауфманомъ въ лагерь.

На другой день послѣ дѣла къ намъ подошла 4-я рота нашего баталіона съ командиромъ баталіона, полковникомъ Пищемуки.

Нѣсколько дней, проведенныхъ нами въ городѣ, прошли быстро. Первые дни устраивали и очищали лазаретъ для раненыхъ и помѣщенія для себя. Топили въ прудѣ найденные большиe запасы пороха.

Старшіе офицеры подавали намъ, молодымъ, примѣръ заботливости о раненыхъ своей роты. Все, что только можно было достать получше: молоко, бѣлый хлѣбъ, морсъ, курь,—мы несли къ нимъ. Въ особенности трудно было устроить чистыя постели съ подушками и простынями, добиться чистаго бѣлья на людяхъ, чистыхъ полотенецъ.

Цѣлые часы мы просиживали у раненыхъ товарищѣй, изъ коихъ Губинъ удивлялъ докторовъ. Картечъ сорвала часть черепа и обнажила мозгъ. Каждый день врачи ждали смерти, но молодая жизнь упорно боролась съ нею. Бѣднага продолжалъ думать, что онъ только контуженъ. Часто находился въ полной памяти; тогда говорилъ намъ: «Странная эта контузія: точно щипцами вырываютъ изъ головы кусочки тѣла». Онъ умеръ только на седьмой день. Сперва начался параличъ ногъ, рукъ, головы. Въ послѣдній день только слабое дыханіе указывало, что жизнь еще не погасла. Во время болѣзниправлялся, будеть-ли онъ представленъ къ Владиміру.

Генералу Кауфману, утѣшившему его, отвѣтилъ, сознавая уже близость смерти: «что же дѣлать! за то Самаркандъ взять».

Выведя изъ города, насъ поставили лагеремъ подъ Самаркандомъ. Мы жили скромно. Дѣлали экскурсіи по окрестностямъ. Набросились на прекрасные фрукты. Бѣдили въ городѣ, осматривали достопримѣчательности его. Сашеры и рабочіе отъ войскъ приводили въ оборонительное положеніе цитадель. Жители открыли лавки. Солдаты въ одиночку безъ оружія ходили между ними. Отдельные отряды были посланы въ Каратобе (¹) и къ городу Ургуту. Послѣдній былъ взятъ Абрамовымъ послѣ

(¹) По дорогѣ къ гор. Шаору и Китабу.

Т. CLXI Отд. I.

довольно горячаго дѣла. Товарищъ нашъ Бородаевскій въ этомъ дѣлѣ раненъ батикомъ⁽¹⁾ по головѣ. У него виднѣлся такой незначительный шрамъ на лбу, что мы уговорили его снять повязку. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, начались головныя боли, и онъ умеръ отъ этого удара.

Въ двадцатыхъ числахъ мая генералъ Кауфманъ сформировалъ отрядъ подъ начальствомъ Головачева, которому поручилъ взять укрѣпленіе Каты-курганъ.

Снова начался походъ. Насъ захватилъ на дорогѣ песчаный буранъ. Ничего не было видно. Отрядъ сталъ среди дня бивакомъ. Къ вечеру пошелъ дождь и разразилась гроза. Пochлегъ въ эту ночь быть тревожный. Строили штурмовыя лѣстницы. Въ нѣсколькихъ верстахъ передъ городомъ развернулись въ боевой порядокъ. Стѣны прекрасно освѣщались восходящимъ солнцемъ. Начались переговоры, и городъ сдался безъ боя. Молодежь—офицеры и многіе солдаты непрітворно огорчились, что дѣла не будетъ.

Отрядъ торжественно вступилъ въ городъ. Жители стояли по главной улицѣ. Мы дошли до урды (цитадели) и ступенями поднялись во внутрь ея. Тотчасъ же приступили къ приспособленію этой урды для обороны на гарнизонъ въ двѣ роты, а весь отрядъ расположился за городомъ общимъ бивакомъ на р. Кара-су. Наши три роты размѣстили въ городѣ, въ прекрасномъ саду, гдѣ мы составляли прикрытие главной квартиры Кауфмана (генералъ Головачевъ стоялъ съ отрядомъ въ лагерѣ).

Наши офицеры по вечерамъ пѣли хоровыя пѣсни. Кауфманъ, замѣтивъ, что мы умолкаемъ при его приближеніи, сердечно просилъ насъ продолжать, говоря, что мы доставляемъ ему большое удовольствіе.

Начали черезъ нѣсколько дней получаться тревожные слухи. Армія бухарцевъ изъ отборныхъ сарбазскихъ баталіоновъ расположилась въ 10-ти—12-ти верстахъ отъ насъ (можетъ быть нѣсколько менѣе) на Зерабулакскихъ высотахъ.

Насъ перевели въ лагерь, куда перѣхалъ и Кауфманъ. 27-го и 29-го мая бухарцы нападали на насъ, но были отбиты безъ труда.

Помню, 27-го мая убить кавказецъ, ординарецъ начальника кавалеріи. Богатырь, огромнаго роста, онъ при преслѣдованіи зарвался впередъ и былъ тяжко изрубленъ. Везли, перекинувъ черезъ сѣдло; ноги и руки касались земли.

Въ одну изъ ночей бухарцы сняли казачій пикетъ. Казаки расположились на этомъ пикетѣ какъ дома и стреножили коней. Одного или

(1) Палки съ жѣлезнымъ на концѣ набалдашникомъ.

двухъ убили. Одинъ получилъ 12 или 14 ранъ. Наконецъ, одинъ прискасалъ цѣлый. Раненый, весь забинтованный, сидѣлъ подъ арбою и стоналъ. Товарищи отгоняли мухъ, садившихся на всюду просачивающуюся кровь. Голова, спина, грудь, руки и ноги были порублены. Цѣло осталось одно сидѣніе. Къ общему удивленію, казакъ этотъ выздоровѣлъ.

Ночью, кажется на 28-е или 29-е мая, мы были разбужены криками «въ ружье» и потомъ «ура». Выскочивъ въ одной рубашкѣ и кое-какъ натянувъ пальто, я бросился съ товарищами къ козламъ и, схвативъ ружье, сталъ ждать въ темнотѣ нападенія. Солдаты быстро выстроились и стояли въ безмолвіи съ ружьями наготовѣ. Темнота была полная. Вдали по фасу шли крики «ура», которые, начавшись недалеко отъ насъ, обошли всѣ войска, стоявшія покоемъ. По разбору оказалось, что оставшійся въ живыхъ казакъ увидѣлъ во снѣ, что его рѣзали. Онъ вскочилъ и отчаянно закричалъ: «спасите, рѣжутъ!» Деньщики, кипятившіе воду въ чайникахъ, крикнули: «бухарцы! бухарцы! «ура!».

«Ура» было подхвачено выскакивающими изъ палатокъ солдатами и прошло по всей линіи. Генералъ Головачевъ, разсерженный, приказалъ произвести разслѣдованіе. Дежурный по лагерю, обошедшій всѣ посты, доложилъ, что все спокойно. Роты долго не распускались. Всѣ солдаты и мы имѣли нѣсколько сконфуженный видъ...

Жары стали невыносимы. Пыль въ лагерѣ проникала всюду. Мы купались въ Кара-су, сбрасываясь съ обрыва и плавая по течению.

Въ первыхъ числахъ іюня насъ посыпали (двѣ роты) на фуражировку въ окрестности города за скотомъ, такъ какъ жители не хотѣли продавать намъ необходимаго количества и начали, въ виду близости бухарцевъ, относиться къ намъ враждебно.

Капитану Попову, начальнику фуражировки, было приказано произвести ее безъ потерь, подъ его ответственностью.

Это было исполнено. Отдельные фанатики бросали въ насъ камнями, грозили батиками, а мы все двигались, забирая скотъ. Грабежа не было. На одномъ обширномъ дворѣ стоялъ очевидно бухарской пость. Къ этому двору насъ подошло человѣкъ 40, при двухъ офицерахъ. До 30-ти лошадей видны были по стойламъ. Толпа въ богатыхъ халатахъ приготовилась защищаться. Въ щелки массивной двери просовывались клинки шашекъ и дула ружей. Стѣны двора (курганчи) были высоки и толсты. Задоръ взялъ насъ. Мы добыли огромное бревно, и человѣкъ 20 начали бить имъ ворота. Человѣкъ 15 солдатъ и офицеры стояли наготовѣ, чтобы броситься внутрь, какъ только ворота будутъ разбиты. Бухарцы тоже готовились къ отпору. На нашу бѣду прискасалъ, испу-

ганный возможностью потери, Поповъ, который и заставилъ насть уйти, не докончивъ начатаго дѣла.

8-го июня съ разсвѣтомъ отрядъ тронулся къ Зерабулакскимъ высотамъ, съ цѣлью атаковать бухарскую армию.

Утро было свѣжее. Каждый зналъ, что предстоитъ бой. Съ командой: «ружья вольно, шагомъ маршъ (справа по отдѣленіямъ)», шапки были сняты и солдаты долго крестились. Странно: многіе офицеры тоже молились въ душѣ, но имъ казалось стыдно, даже *неприлично* передъ товарищами обнаружить свое настроеніе крестомъ.

Утренній туманъ еще не разсвѣялся. Начальство объѣхало насть и поздоровалось. Мы входили въ составъ авангарда, подъ начальствомъ полковника Пистолькорса. Одна изъ нашихъ ротъ (1-я) была оставлена гарнизономъ въ Каты-курганѣ. Я изъ 3-й роты перешелъ въ 4-ю, въ которой числился съ пріѣзда въ баталіонъ въ 1866 году. Раньше всего перестрѣлка началась въ обозѣ и по флангамъ съ окружившими насть всадниками. Скоро мы были остановлены и построены въ боевой порядокъ. Наши двѣ роты составили правое крыло. Четыре орудія 12-ти-фунт. облегченныхъ Топорнина — центръ; затѣмъ шли, сколько помню, роты 3-го баталіона. Влѣво отъ насть для атаки праваго фланга непріятеля Абрамовъ велъ другую колонну, въ составъ которой входили 4-й и 5-й линейные баталіоны. Обозъ стягивался въ общий вагенбургъ подъ защитою ротъ 9-го баталіона.

Кавалерія была большею частью при авангардѣ. Мы еще стояли въ колоннѣ, какъ непріятельское ядро шлепнулось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насть. Затѣмъ насть двинули влѣво отъ дороги и остановили въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ подошвы Зерабулакскихъ высотъ, сильно занятыхъ непріятелемъ. Приблизившись къ подошвѣ, мы невольно были поражены развернувшимся передъ нами картиною.

По яркой зелени высотъ лежали густыя цѣпи бухарской пѣхоты и за ними стояли поддержки въ колоннахъ. На нашихъ глазахъ цѣпи поднялись и обозначили ярко-красныя линіи на зеленомъ фонѣ. Еще нѣсколько мгновеній — и бухарцы въ большомъ порядкѣ двинулись впередъ, затѣмъ остановились въ 400—500 шагахъ отъ насть, открыли по всей линіи огонь, застилавшій ихъ дымомъ. Но они цѣлили плохо. Всѣ пули шли у насть надъ головами, но свистъ былъ чрезвычайный. Мы отвѣчали неторопливымъ, но смертоноснымъ огнемъ.

Наши орудія открыли огонь картечью, вслѣдствіе близости и густоты массъ противника; каждая очередь картечи изъ четырехъ орудій проходила широкую кровавую брешь въ ихъ рядахъ; пѣхота наша въ необыкновенномъ порядке, какъ на ученьи, стояла на мѣстѣ въ рот-

изъ воспоминаний о походѣ подъ САМАРКАНДЪ въ 1868 г. 181

ныхъ колоннахъ съ слабыми впереди цѣлями и ждала приказа. Чувствовалось, что решительная минута приближается быстро.

Настроение войскъ было прекрасное. Помню, свистъ пуль производилъ странное, но въ общемъ пріятное впечатлѣніе. Стоя въ цѣпи, я дышалъ полною грудью. Думалось—вотъ дохну быть можетъ послѣдний разъ. Кровь шумѣла въ жилахъ, жизнь казалась прекрасной, разставаться съ нею было жалко, но въ общемъ испытывалось жгучее, ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе сознавать, что эта жизнь каждую секунду можетъ улетѣть.

Пищемуки послалъ меня спросить у Пистолькорса позволенія начать наступленіе. Я поскакалъ. Пистолькорсъ стоялъ блѣдный отъ гнѣва и отчаянно махалъ папахою Штрандтману, посланному съ казаками на лѣвый флангъ бухарской пѣхоты. Казаки простояли и нешли, какъ онъ хотѣлъ, въ атаку.

Выслушавъ меня, Пистолькорсъ подѣхалъ къ намъ, и съ громкимъ «съ Богомъ, молодцы!» двинулъ насъ впередъ. Топорничь лихо вынесся впередъ и, какъ намъ казалось, чуть не въ упоръ выпустилъ очередь и двѣ картечи. Сблизившись, мы крикнули «ура!» и бросились на бухарцевъ, во много разъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ мы. Бухарцы не выдержали и побѣжали. Мигомъ наиболѣе упорные, покинутые своими товарищами, были заколоты. Солдаты ломали ружья своихъ враговъ. Довольно беспорядочно выглядѣли и мы. Офицеры, собравшись въ кучку верхами, атаковали наиболѣе упорныхъ изъ отступавшихъ туземцевъ. Помню, форменный солингенскій клинокъ действовалъ въ моихъ рукахъ мало успѣши. Помогалъ револьверомъ. Одинъ бухарецъ, промахнувшись, ранилъ мою лошадь короткимъ копьемъ. Одного товарища ударомъ приклада по шеѣ сшибли съ коня.

Пушки скакали между одиночными бѣглецами, опережая пѣхоту и останавливаясь противъ болѣе густой толпы, валили ее и разсыпали картечью. Пѣхота, съ охрипшими грудями, лѣзла впередъ. Кавалерія за-скакала части бухарской пѣхоты въ тылъ и отрѣзала отступленіе. Одинъ баталіонъ сарбазовъ, охваченный кавалеріею и прижатый пѣхотою, весь легъ, покрывъ землю какъ макомъ. Авганцы съ Искандеръ-ханомъ, весною принятые нами на службу со службы бухарцевъ (¹), рубили отлично. Замѣтивъ переговоры своихъ съ авганцами, еще находившимся на службѣ въ Бухарѣ, Искандеръ-ханъ собственноручно зарубилъ не-сколькихъ своихъ конниковъ.

Помню, какъ одинъ авганецъ, свалившись съ убитой лошади, схватился съ дюжимъ бухарцемъ въ рукопашную. Бухарецъ, раненый, упалъ

авганецъ сѣлъ на него и нѣсколько разъ вонзилъ въ него свой большой кинжалъ. Каждый разъ, когда онъ выдергивалъ кинжалъ, приподнимался на локтяхъ и бухарецъ.

Мимо тихонько проѣхалъ молодой казакъ-оренбурецъ; онъ плакалъ. Шея его была проткнута пикою. Странно, что, не смотря на его тяжелую рану, этотъ казакъ своими слезами вызвалъ только наши насмѣшки, а не сожалѣніе.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ бухарцы оказались болѣе стойкими. Они сами двинулись навстрѣчу нашимъ наступавшимъ противъ нихъ войскамъ 5-го и 4-го баталіоновъ. Шли точно пьяные (говорили, что накурились гашиша). 5-й баталіонъ и бухарцы пріостановились, не дойдя другъ до друга нѣсколькихъ шаговъ. Настала томительная минута, въ теченіе которой неизвѣстно было, кто повернетъ назадъ: мы или бухарцы. Примѣръ Грипенберга (⁽¹⁾) и офицеровъ: Каншина, Бородовскаго и другихъ,бросившихся впередъ и увлекшихъ солдатъ, рѣшилъ побѣду въ нашу пользу: послѣ короткой рукопашной схватки бухарцы побѣжали.

Побѣда была полная.

Все поле было усыпано трупами нашихъ неумѣлыхъ враговъ. Все живое скрылось изъ глазъ.

Эмиръ собралъ на Зерабулакѣ свое отборное войско до 6,000 сарбазовъ, одѣтыхъ за-ново въ красныя куртки, съ ружьями въ большинствѣ мѣстнаго издѣлья, курковыми и кремневыми со штыками. Народъ высокій, очень красивый, чернобородый. Въ ихъ числѣ было много персовъ.

Наши роты были собраны и прилегли сдѣлать передышку на песчаномъ бугре близъ дороги. Жажда мучила насъ несказанно. Къ счастію наши два «Ваньки» (такъ называли туземцевъ, слѣдующихъ за войсками съ цѣлью грабежа и за это право служащихъ ротъ, къ которой себя прикомандировываютъ), обливаясь потомъ, нѣсколько разъ бѣгали къ рѣчкѣ за водою и напоили всю роту, послѣ чего съ сознаніемъ заслуженнаго права на отдыхъ улеглись на откосъ бугра, занятаго ротою, и заснули. Заснули и мы.—Насъ внезапно разбудили раздавшіеся вблизи выстрѣлы, крики и стоны; мы вскочили, вскочили и солдаты. Оказалось, что нѣсколько солдатъ 4-го линейнаго баталіона съ юнкеромъ Лобасевичемъ бродили по полю сраженія, отыскивая свою роту. Наткнувшись на нашихъ спящихъ Ванекъ, они ихъ убили и столкнули съ бугра. Наши солдаты въ яности бросились на этихъ солдатъ; окружили ихъ и готовы были перебить. Тѣ въ свою очередь приготовились къ оборонѣ. Едва намъ удалось успокоить солдатъ, возму-

(¹) Нынѣ свиты Его Величества генералъ-майоръ.

щенныхъ такимъ звѣрскимъ убийствомъ беззащитныхъ Ванекъ, слѣдовавшихъ съ ротами съ самаго начала похода.

Къ вечеру насы передвинули къ рѣчкѣ, гдѣ поставили въ прекрасномъ саду.

По рѣчкѣ неслась трупы. Ихъ въ одномъ мѣстѣ настолько скопилось около мостика, что пришлось проталкивать шестами.

Значительное число чиновъ всѣмъ частей разбрелось, послѣ постановки ихъ на бивакъ, по дворамъ обширнаго Кишлака—пошарить или, какъ въ Туркестанѣ говорятъ, *на баранту*.

Не обошлось безъ возмутительныхъ сценъ. Къ ночи многочисленные патрули съ офицерами были посланы выгонять всѣхъ грабящихъ.

Помню—мы натолкнулись на такую картину. Солдатъ повидимому лѣзъ въ подворотню запертаго двора. Нѣсколько человѣкъ, притаившихся у воротъ, встрѣтили его батиками и били такъ усердно, что обратили голову и плечи въ какую то безформенную массу, а ноги отъ пояса продолжали торчать изъ подъ воротъ на улицу.

Женщинъ собрали въ одинъ дворъ и приставили къ нимъ караулъ.

Простояли здѣсь нѣсколько дней.

Послѣ Зеравшана генералу Кауфману предстояло рѣшить вопросъ: идти ли на Бухару или вернуться назадъ. Силы наши были слабы; въ тылу въ Самаркандѣ, обеспечивая большой городъ и линію въ полтораста верстъ, отъ Каты-кургана до Джезака стоялъ всего одинъ батальонъ. Шахризябцы внушали опасеніе.

Кауфманъ рѣшилъ двинуться назадъ къ Самарканду, оставивъ въ Каты-курганѣ одинъ батальонъ (5-й подъ начальствомъ Грипенберга).

На первомъ ночлегѣ отъ Каты-кургана пришла записка отъ коменданта Самарканда, маюра Штемпеля, что онъ окружены, отбили много штурмовъ и потеряли значительную часть гарнизона.

Насъ подняли ночью и двинули форсированнымъ маршемъ.

Шли непрерывно съ малыми отдыхами и къ ночи другаго дня были подъ стѣнами Самарканда. Чтобы дать знать о своемъ прибытіи, пустили нѣсколько ракетъ, обрадовавшихъ безъ мѣры истомленный гарнизонъ. На переходѣ разстрѣляли нѣсколько человѣкъ, захваченныхъ съ оружиемъ. Мнѣ приказано было на словахъ однимъ изъ лицъ штаба разстрѣлять одного. Я отказался исполнить до получения приказанія отъ своего начальства. Пришлось разстрѣлять среди пшеницы, не привязаннаго по прочтѣніи приговора. Разстрѣянный житель Самарканда напалъ въ аріергардѣ на отставшаго юнкера. Двухъ изъ нападавшихъ убили поспѣшившие на выручку юнкеру казаки, а этотъ третій былъ взятъ въ плѣнъ.

Съ утра двинулось иѣсколько штурмовыхъ колоннъ. Насъ велъ подполковникъ Шауфусъ⁽¹⁾. Велъ насъ заботливо, обдуманно. Шауфусъ не былъ для насъ чужой. Въ 1866 году при штурмѣ Ура-Тюбе онъ командовалъ штурмовою колонною, въ которую входили и наши стрѣлки. Овладѣвъ, послѣ очень упорного боя, городскою стѣною, онъ былъ заслуженно награжденъ Георгіемъ 4-й степени. Большаго сопротивленія намъ оказано не было. Шахризабцы бѣжали. Видѣли Ш.....а, сидѣвшаго въ лмѣ. Къ намъ вышла навстрѣчу изъ цитадели часть защитниковъ: черные и озлобленные. Они потеряли болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ людей и при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ защищались геройски. Шесть дней не сходили со стѣнъ. Раненые и больные вползали на стѣны, гдѣ и умирали.

Полковникъ Назаровъ и Штемпель были душою обороны.

Геройство этой горсти русскихъ щодей спасло вновь завоеванный край. Пади Самаркандъ—и вся средняя Азія возстала бы. Ханъ коканскій уже стоялъ съ многочисленнымъ войскомъ, ожидая извѣстія о первой побѣдѣ надъ русскими, чтобы двинуться къ Ташкенту, гдѣ все было подготовлено къ восстанію.

Нашему отряду, находившемуся у Каты-кургана, отрѣзали бы путь отступленія, и, пробиваясь назадъ, онъ находилъ бы однѣ развалины до самаго Перовска.

Городъ Самаркандъ, покинутый союзниками, былъ взятъ и затѣмъ отданъ войскамъ на три дня на разграбленіе и сожженіе.

За измѣну все было обращено въ развалины. Въ лагерь открылся базарь. Торговцы скупали за безцѣнокъ ковры, утварь, шелкъ и проч. Многіе солдаты находили деньги. Выстрѣлы слышались три дня—днемъ и ночью.

Всльдѣ за взятиемъ Самарканда въ лазаретѣ открылся тифъ. Изъ нашихъ раненыхъ выздоровѣль только самый трудный—Пирятинскій. Нѣсколько легко раненыхъ стрѣлковъ были убиты, сражаясь на валахъ. Умеръ и горнистъ Масловъ съ пробитою ногою безъ поврежденія кости.

Простоявъ иѣсколько дней, насъ вернули въ Ташкентъ. До разсвѣта насъ провели черезъ дымящіяся развалины Самарканда къ рѣкѣ Зеравшану, сильно разлившейся отъ таянія снѣговъ.

Послѣ похода сильно хотѣлось домой. До Ташкента дошли шутя. Генералъ Кауфманъ перегналъ насъ и вѣхалъ въ Ташкентъ днемъ раньше. Купечество и жители устроили встрѣчу и объѣдъ какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, вернувшимся въ Ташкентъ.

Походъ 1868 года кончился.

(¹) Нынѣ генераль-маіоръ генерального штаба.